

**алексей
ЦВЕТКОВ**

записки
аэронавта

Поэтическая библиотека (Время)

Алексей Цветков

Записки аэронавта (сборник)

«WebKniga»

2013

Цветков А. В.

Записки аэронавта (сборник) / А. В. Цветков — «WebKniga», 2013 — (Поэтическая библиотека (Время))

Алексей Цветков – одна из центральных фигур современной российской поэзии, в 70-е лидер поэтической группы «Московское время» (в которую входили также Бахыт Кенжеев и Сергей Гандлевский). В 1975 году эмигрировал в США, преподавал русскую литературу, занимался журналистикой. «...Я замолчал на 17 лет, то есть я перестал писать стихи, но когда я начал снова, я понял, что язык сам в меня вливался. Тем более к тому времени появился Интернет... Живой язык – он всегда удобнее мертвого». «Записки аэронавта» – книга избранных стихотворений Алексея Цветкова, покрывающая период с 2004 года по настоящее время. В нее включены произведения из книг «Шекспир отдыхает», «Имена любви», «Ровный ветер», «Сказка на ночь», «Детектор смысла», «Онтологические напевы», а также стихи, публикуемые впервые.

Содержание

из книги «шекспир отдыхает»	6
«странник у стрелки ручья опершись на посох...»	6
«кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы...»	7
«было третье сентября...»	8
«треплет невзгода кулисный картон...»	9
«теплый вечер дождями умыт...»	10
«погоди я тащусь от пейзажа...»	11
«в ржавом остове вокзала...»	12
«клекот из горла ли лепет из чашки петри...»	14
«на пляже тени влажные ложатся...»	15
«в мерцанье мышц в просветах непролазных...»	16
«проснуться прежним навеки на этих фото...»	17
«теперь короткий рывок и уйду на отдых...»	18
«так скажи не кружи в уме а если если...»	19
«с колосников проворны провода...»	20
«так облака бледны олени в долгой лежке...»	21
«голый глаз как светильный газ в слюдяной воде...»	22
«нас ночь разводи́ла и наспех совала в метро...»	23
«толпа не знала времени отъезда...»	24
«в просторной стране где совсем ни кола ни двора...»	25
«двадцать третье апреля гостей снарядил и лег...»	26
«под детройтом нудно ссорились на заправке...»	27
«и еще к однокласснице жены в уэст-честер...»	28
«в пустыне я скитался как бревно...»	29
«скоро фуру подгонят и примутся класть...»	30
«притерт горизонт и другими людьми...»	31
«дорога в наледях на брно две зимних смерти...»	32
из книги «имена любви»	33
«два зеркала она дала ему...»	33
«потом он взял и изобрел бобра...»	34
«помнишь они нас учили на человека...»	35
«на секунду в мозгу светло...»	36
«потечет чуть попятиться свойство зимы и поземки...»	37
«на стене с утра картинка криво...»	38
«как же их столько в своих городах коротких...»	39
«когда в густом саду когда в тенистом...»	40
«когда пора мастерить кофе или яйца...»	41
бортовой журнал	42
«когда философ кант родился резвым крошкой...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Цветков

Записки аэронавта

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© Алексей Цветков, 2013

© «Время», 2014

* * *

из книги «Шекспир отдыхает»

«странник у стрелки ручья опершись на посох...»

странник у стрелки ручья опершись на посох
ива над ним ветвится в весенних осах
летучие лица тучу сдувают в угол
на горизонте латают лазурный купол
выюн виноградный часовня и поле льна
средневековые времени полдень дня

дробная россыпь черных грачей в ландшафте
или людей впереди один на лошадке
это к нему с виноградного склона слева
скачет ручная серна и машет дева
лен полыхнет синевой озаряя твердь
посох коса и страннику имя смерть

над капюшоном ива струится пышно
люди поют в унисон но сюда не слышно
гибкая дева-ива и серна в лозах
лики длинного ветра в безруких позах
музыка ос золотая пряжа лучей
странник стоит на траве и глядит в ручей

лица без тел и тело без глаз и кожи
в полом плаще но существует тоже
в чреве часовни монах воздевает руки
с детства боится и молится богу-буке
нет ему бога и вся эта жизнь ничья
деве уже не пересечь ручья

все золотые осы весны и в тучах лица
этот свет беспробудному камню быстро снится
только синим огнем полыхнет по липкой глине
и обрушится в ночь а буки нет в помине
только химия гложет время за слоем слой
дева машет с холма и серна летит стрелой

«кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы...»

кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы
и с моста в пролом талахачи а смерти нет
билли джо макалистер о ком бобби джентри
пела пока не канула в интернет
в год когда я ждал на бульваре гири
в теремке термитном скорых даров судьбы
антиподы-прадеды с лязгом зубы в супы
упустили и рты утереть забыли
аж до орденских плашек висла слюна
в год когда я дернул к иным пределам
к синему заливу и пылким девам
запевай струна

от рассвета по трайборо вброд до бронкса
до заката на дилерской тачке в тендерлойн
грыжа держит азимут авось доберемся
в путь по солнечной в обратный по теневой
поздних зорь резеда в парнике партийном
муровали в гранит эти челюсти и тела
зимовать потому что смерти нет в противном
случае надо признать что жизнь была
к руслу миссури нимфы на фавнов падки
над cbgb лето прольет елей
мост над синим проломом по радио панки
the kkk took my baby away

погляди меня в гугле господи всех вселенных
если я записан в какой-нибудь их народ
очарованный житель в рощах твоих целебных
дегустатор нимф и редких рифм нимрод
сквозь гикори и гинкго слепящий свет одинаков
сквозь хитон рентгеном костей любой сантиметр
я вернулся открыть вам тайну двух океанов
горизонт безлюден как был и смерти нет
кто затеплил свет перед светом навек в ответе
не уйти в полутьму астроябий и ветхих книг
под окном паркинг-лот на асфальте играют дети
кеннеди кеннеди кинг

«было третье сентября...»

было третье сентября
насморк нам чумой лечили
слуги ирода-царя
жала жадные дровичли
опустили всю страну
поступили как сказали
потный раб принес к столу
блюдо с детскими глазами

звонче музыка играй
ободряй забаву зверю
если есть кому-то рай
я теперь в него не верю
со святыми не пойду
соглашаюсь жить в аду

в царстве ирода-царя
кровь подсохла на рассвете
над страной горит заря
на траве играют дети
все невинны каждый наш
я предам и ты предашь

4 сентября 2004

«треплет невзгода кулисный картон...»

треплет невзгода кулисный картон
зыблется мокрого света граница
в пепельных клетках бюро и контор
время двоятся

небо зажгло штормовые огни
голос погас или горло в коросте
где это с нами и кто мы одни
здесь на помосте

время повернуто в оба конца
тонко в нии нагадала наука
мчится во имя кому-то отца
сына и внука

тени охапки и ворохи тьмы
реют бореи сквозь тросы тугие
как это с нами и кто эти мы
кто-то другие

только заря загорится черна
гостья с обратного берега ночи
глянет нам кормчий с чужого челна
вкрадчиво в очи

«теплый вечер дождями умыт...»

теплый вечер дождями умыт
ветер кроны янтарные вытер
кто-то в парке сегодня убит
я прошел стороной и не видел

не клинок так любовь и вино
обеспечат плиту и ограду
потому что природой дано
совершить нам любую неправду

весь в ромашках редящих трав
мало света и счастья немного
этот мир перед нами не прав
мы здесь пасынки слабого бога

заведу расшивную тетрадь
черный бархат на алой подкладке
чтобы всех кто рожден умирать
занести в алфавитном порядке

для каких-нибудь лучших веков
где судьба осторожней и строже
бродский проффер сопровский цветков
и ромашки
и бабочки тоже

«погоды я тащусь от пейзажа...»

Памяти Д. Н.

погоды я тащусь от пейзажа
то шакал в камыше то койот
к синеморю река проезжала
там о родине что-то поет
под кустом мегатонны в заначке
видно сбросил сержант кабалу
а потом луговые собачки
правят утро в сосновом бору
три сурка со старинной конфеты
в нежных нимбах дрожат силуэты

там вдали огоньки полустанка
сам-шериф и ковбоев пяток
и невольно пришпорит мустанга
утомленный планеркой парторг
он согласен явиться народу
чтобы стейки первач и ситро
из-за образа вынут колоду
texas hold'em стрельба у сельпо
пусть поштопает ватные польта
шестикратное зарево кольта

далеко это ранчо однако
всё торнадо команчи леса
и не факт что в заштатном монако
иноходцу нароют овса
ни сырку ни лучку тебе дядя
посильнее здесь гасли умы
только истово крестится глядя
на большой полумесяц луны
и бубнит буераками едя
три сурка три сырка три медведя

«в ржавом остове вокзала...»

в ржавом остове вокзала
тень струила невода
зубы редкие вонзала
прямо в горло немота

здесь забыв собой гордиться
хрипло дышит человек
словно тусклая водица
ночь сочится из-под век

каждый зев привержен зелью
жизнь диктует где поддать
никогда на эту землю
не сходила благодать

ночь река с проворной грустью
постепенно сносит к устью
шелудивых и увечных
население баржи
в протяженье каботажа
экипаж постигла лажа
неприятели природы
эти шлюхи и бомжи

почему на пристань леты
с детства выданы билеты
почему еще в полете
чайки загодя мертвы
сколько глаз к стеклу ни липни
там пургу сменяют ливни
а потом прикроют веки
санитары и менты

сказка лживая связала
жалких жителей вокзала
рай курортный с пыльной фрески
жизни требует взамен
всюду пальмы посмотрите
сбоку буквы на иврите
для пригожих и умытых
древней радуги завет

я войду и буду краток
миновало время пряток
миру времени в обрез

бейте в бубны
я воскрес

«клекот из горла ли лепет из чашки петри...»

клекот из горла ли лепет из чашки петри
осциллограмма легкой капелью пульс
раньше росла трава и птицы пели
нравилось лучше все состоится пусть

гром метеоров в грозу города отважны
всплыть чтобы мокрые звезды рыбьим ртом
все что возможно случится сейчас однажды
пусть никогда никогда никогда потом

в темень струит стволы и в ливень лица
бережный сад к оврагу журчит дрожа
трудно сбывается все что не смело сбыться
страшно и сразу как в сумерки блеск ножа

третий удар тишины и дробью снова
кто там стоишь у ослепшей стены одна
воля твоя велика но вслух ни слова
землю разверзни но не затворяй окна

свернута кровь в рулоны сыграны роли
слипшихся не перечислить лет в душе
сад в соловьиной саркоме лицо до боли
и никогда никогда никогда уже

«на пляже тени влажные ложатся...»

на пляже тени влажные ложатся
кружат стрижи и не хотят снижаться
сто шестьдесят девятый день в году
скрипят ворота и орфей в аду

река на букву с и бессловесны
птицеподобья в тучах муляжи
животных на притворном водопое
над всеми кипарисовые свечи
пылают черным правильным огнем
и бабочки как проруби в сетчатке
стократ черней чем допускает глаз
не шелохнуть ушей бесшумной лирой
вот жители умершие из нас
и страшен всем ротвейлер троерылый

он здесь повторно раньше он имел
спецпропуск на какую-то одну
из этих нас но слабо в мелкий шрифт
вчитался и ротвейлер на контроле
вмиг завернул которую привел
тот даже с горя спел по-итальянски
стеная вслед упущенной добыче
в окошко тыча справку и печать
мол дескать *che faró senza euridice*¹
что дескать делать и с чего начать

нас нет никак мы созданы из вздохов
из допущений и негодований
из слез и всхлипов тех кто нами был
на елисейских выселках отныне
где так черны стрижи и кипарисы
и метит камни оловом река
там наверху зачем кадите богу
не возвратится с музыкой жених
из этой бездны где ротвейлер ногу
вздымает над надеждами живых

¹ *che faró senza euridice (итал.)* – «Что мне делать без Эвридики?», ария Орфея из оперы К. В. Глюка «Орфей и Эвридика».

«в мерцанье мышц в просветах непролазных...»

в мерцанье мышц в просветах непролазных
зубов где мысль на выдохе скрипит
речь воспаряет над раствором гласных
швырни щепоть шипящих и вскипит

месторождение ругани и гимна
по немоты наружную кайму
где ни ушей ни паче рыл не видно
с кем разделить или излить кому

с пустым стаканом пересечь квартиру
вздремнуть впотьмах неведомо куда
пока внутри торопится к надиру
короткая империя ума

пусть неусыпен в черепном приборе
миноискатель истины но син –
тетических суждений априори
в таком безлюдье звук невыносим

когда наутро что ни свет то вторник
щеколда вновь на челюстях слаба
но врач на букву *а* как древний дворник
давно подмел ненужные слова

«проснуться прежним навеки на этих фото...»

проснуться прежним навеки на этих фото
вмиг ориентир на буфет и виски залпом
буржуазно живут но видно вышел кто-то
в красивой стране в июле своем внезапном
словно от старости света день фиолетов
еще догорает тостер и чайник жжется
вниз по стене золотые девки берн-джонса
а бушевал что в жопу прерафаэлитов

к старости вкус снисходительней если телки
щедрость зла и добра откуда что берется
не то что чужая душа своя потемки
или это все-таки я а тот вернется
вот на комоде широкоморд и бледнее
рядом возможно но боже только не это
так загреметь в чужое без пощады лето
жутко как жизнь одинакова но длиннее

куцые тени это точно дальше к югу
снова изящное искусство та же тема
телка в соку и ей скелет клешню под юбку
никлаус мануэль рисунок смерть и дева
только не это боже сердце в кровь о гравий
времени в тусклом стекле лиловое вечер
черный такой в ключьях тлена навек обвенчан
со всеми но не с тобой не с тех фотографий

ваза с розами вдребезги об пол и ладно
жители гасят свет и тоже гаснут сами
ключ прогремел в замке и не заснуть обратно
уговори что это случится не с нами
что рожденным в лучах авроры в пене снежной
не входи минуту слушай о чем толкую
дают ледяное сердце и жизнь такую
чтобы вровень со смертью страшно но с надеждой

«теперь короткий рывок и уйду на отдых...»

теперь короткий рывок и уйду на отдых
в обшарпанном 6-motel'e с черного въезда
визг тормозов и время замирает в потных
послеполуднях жижее жить не сыщешь места
какой-то шебойган или пеликан-рапидс
всплески цветных галлюцинаций на заборах
окно в бетон на стене трафаретом надпись
то-то и то-то паркинг в пыльных сикоморах
платишь индусу в субботу сколько осталось
или в календаре переставляешь числа
ящик на шарнире звездный след это старость
годы которым в уме не прибавить смысла
солнце летит болидом за дальний пакгауз
точка где исчезну и уже не покаюсь

щелкнешь пультом и в кильватер ток-шоу теннис
а поскольку лето в календаре постольку
звон цикад я вчера через дорогу в denney's
слышал про озеро в пяти часах к востоку
взглянуть бы раз но движок у доджа ни к черту
ремень вентилятора источили черви
пергидролевая за стойкой взбила челку
не для меня конечно да и мне зачем бы
кофе разит желчью носок изъездил вену
запор на заре потом понос на закате
озеро-шмозеро вообще не шибко верю
ничего не бывает витгенштейн в трактате
написал как отрезал каждому известно
правило мир это все что имеет место

озеро мичиган заветный берег жизни
так далеко на сушу отшвырнуло бурей
не был в йеллоустоне где медведи гризли
в сущности то же что и европейский бурый
где-то америка башни вновь по макету
гадай в шебойгане переживут ли зиму
нынче было знаменье как баныши макбету
на коре кириллицей кость сердце зину
дрогнуло перед взрывом что земля большая
сердце истекло любовью к родному краю
но уже все равно потому что вкушая
вкусих мало меду и се аз умираю
в городке которого не припомнит карта
на крыльце мотеля в подтяжках из k-mart'a

«так скажи не кружи в уме а если если...»

так скажи не кружи в уме а если если
в переулках обломки топота и толпа
словно выхлоп из глоток стреляет стальные песни
в кристаллическом воздухе что же тогда тогда

ни одной тишины если город и ум совместный
на реверсе затылка это и есть лицо
и хоть вещи-в-себе за пределом причин и следствий
в голове слипаются мысли на если то

летний блеск с высот и фасеточный мир в подарок
здесь любовью сердце и речью в прах изотри
по всему околотку такой торжествуй порядок
вопреки уму чтобы пламя шло изнутри

кто осип на стогах не станет достоин смерти
потому что жертве не проиграть войну
как старинный сенека под аккорд монтеверди
но не военник впалый с разодранным ртом во лбу

реют руки с помоста в оркестре запели пины
отметелят польку и по брусчатке марш
повезет так фалангой в стекло гонец из пизы
а которого ждали если не этот ваш

полюби под крылом перелетную в липах область
перед дверью наружу расплакаться и обнять
чтобы прерванный срок приоткрыл свой закон и образ
как теперь навсегда но не если тогда опять

«С КОЛОСНИКОВ ПРОВОРНЫ ПРОВОДА...»

с колосников проворны провода
песком и солью тяжела кулиса
она стоит и кто она тогда
она поет о том что нет улисса
что мир как дым и время как вода

в великом море островам просторно
настанут снова солнце и луна
tu sol del tuo tornar perdesti il giorno²
она поет но кто тебе она

в чужих краях корабль не прогадает
верстая путь покуда не поймет
что мир как миг в который пропадает
любой из нас о ком она поет

ткань времени до середины спета
узор ковра губителен и прост
она луна одна в руинах света
и солнце днем где не осталось звезд

в соленых брызгах догорает птица
на берегу прощальный ветер пуст
она поет и нам не возвратиться
пока она не затворяет уст

² tu sol del tuo tornar perdesti il giorno (*итал.*) – «Ты один утратил день своего возвращения», ария Пенелопы из оперы К. Монтеверди «Возвращение Улисса на родину».

«так облака бледны олени в долгой лежке...»

так облака бледны олени в долгой лежке
так бережен в бору невидимый костер
замешкаться у штор нашептывая кошке
такая жизнь на свете mon enfant ma sœur³

блаженство что сентябрь и снова звезды оземь
из нежной пропасти слепые светляки
и то что мы живем преодолевая осень
неведомы нигде и так невелики

сентябрь и серп жнеца когда бы только знали
всегда как вьется свет волнуя и слезя
как точно сложится все что случится с нами
мы жили бы давно уже не жить нельзя

осины у ворот их медленное стадо
из земноводных уз зеленый водолаз
им невдомек пока что умирать не надо
когда стоит любовь как полынья до глаз

звон близкой осени на все края и версты
в зените бронзовом где журавлиный след
и ты что движешь солнце и другие звезды
когда мы смотрим вверх преодолевая свет

³ mon enfant ma sœur (фр.) – «мое дитя, моя сестра», из стихотворения Ш. Бодлера «Приглашение к путешествию».

«ГОЛЫЙ ГЛАЗ КАК СВЕТИЛЬНЫЙ ГАЗ В СЛЮДЯНОЙ ВОДЕ...»

голый глаз как светильный газ в слюдяной воде
костяные по стенам жабры и бедный бубен
окажись вполне он и был бы да нет нигде
всем скелетом ввысь так и пел бы весь но не будет
трудный прах и себе никто и другим не друг
полый свет вблизи но отсюда наискось старец
из последних мышц в проникающем ветре рук
существуй вообще бы еще называлось танец

раз пробоины звуков в слоистый ввинчены чад
кто ли женский в ответ полувплавь из ночного чума
воздевая навстречу откуда запястья торчат
кровеносным нутром наперед предчувствие чуда
заюлит в пандан симметрично тому кто был
или не был конечно крестцом наподдаст шалава
уминая поверхность как барабанный блин
всем тапирам святая сестра и мать шакала

навести пустоту на резкость взять напоказ
буровые пробы света хоть неодинаков
то он мерче то ярче а то навсегда погас
негативом пламени над головнями маков
потому что первой в огне закипает боль
липким зельем гнева налитаны злые зерна
результат этих двух которые в сумме ноль
но рядятся плясать и в одно сплетены позорно

продавщица страха всей тоски скоморох
сотворенье дней из брения их и кашля
обещает все что положено скоро мох
станет шерстью земли и лишайник хитином камня
дальше прянут вверх хвощи из удобных дыр
вдалеке практикуется предков двуногих двойка
в парном виде спорта
теперь существует мир
но другой не этот
и тоже совсем недолго

«нас ночь разводи́ла и наспех совала в метро...»

нас ночь разводи́ла и наспех совала в метро
там пристален люд и народ астеничен рабочий
в коротком углу приблизительно я или кто
плечами впечатан в молву и мурлом неразборчив

какой-то он давний по виду двойник отставной
чей пульс пеленгуя часы отбивают победу
но нет постепенно которые были со мной
и негде добиться куда я так тщательно еду

бузило нетрезвых когда нас пускали в метро
числом человек молодежи в ком знания шатки
пока в переулках по сущие бедра мело
их нежную внутренность то бишь и не было шапки

назад в эту зиму вмерозен как столп соляной
дворы бездыханны и снежные игры всё те же
но где отовсюду которые были со мной
и не были даже которые тоже всё реже

я вырасту бродским природы я всех сберегу
разборчивой речью с прилавков шумя тиражами
кто там на излете маршрута дрожали в снегу
дружили однажды чтоб с песней в метро провожали

портвейна рубин или спасской жирафья звезда
где смех вам не молк и с барханов сахара заметно
пусть светит оттуда какие вы были всегда
а мне до конечной в ночи обо всех незабвенно

«толпа не знала времени отъезда...»

толпа не знала времени отъезда
окрестными теснима небесами
откуда башня падала отвесно
с мерцающими как ручей часами

толпа листвою шумела и дышала
она жила бегом как от пожара
но нашему прощанью не мешала
пока ждала и время провожала

благословенны юности руины
в районном центре солнечного круга
на станции где мы тогда любили
без памяти и все еще друг друга

там пел в толпе один невзрачный видом
с гармошкой и в нестираной тельняшке
прикинувшись вокзальным инвалидом
эскизом человека на бумажке

пускай тогда он не глядел на нас но
отсюда видно чьих коснулся судеб
поскольку пел о том что все напрасно
что все пройдет и ничего не будет

но мы ему не верили конечно
а солнце дни усталые верстало
чтоб доказать как утверждал калека
что все прошло и ничего не стало

так все сбылось и ничего не страшно
остался свет но он горит не грея
и там на площади осталась башня
с дырой откуда вытекло все время

«в просторной стране где совсем ни кола ни двора...»

в просторной стране где совсем ни кола ни двора
так остро спросонок в мороз чем медлительней летом
когда за костром от росы коченеет кора
а сердце очерчено лугом и сплюснута лесом
мы жили уже или живы тогда но не те
чьи лучшие лица повержены в гибкую воду
прозрачны заре или в хвойной светясь темноте
по локти в чернике что птиц отпускали на волю
мне пробило двадцать покуда умолк календарь
протясь с отраженьем навек обнимали друг друга
отведать награда которому мир повидал
одними губами где небо на ощупь упруго
пространство светло без вреда если время не труд
кто прибыл вперед за меня сочиняющий тут

там лето не дрогнет и сосны резные тверды
все в звездах насквозь по краям радиально ложатся
когда я навстречу лицом из кромешной воды
в которой привычно что некому мной отражаться
костром возведен симметричный порядок теней
им нет соответствий где воздух осмысленный в нише
им каждые сумерки каждое небо темней
в чернике лиловые зори но сосны все выше
откуда плывут возвратившихся птиц голоса
молчания легче как в музыке промах короткий
как млечная по небу вся эта жизнь полоса
и вся эта смерть продолжение где этот который
все пишет обратно все дышит на доску стола
но пауза только раз воздух не держит слова

«двадцать третье апреля гостей снарядил и лег...»

двадцать третье апреля гостей снарядил и лег
сутки в скользкой листве как дождевая водица
просыхают под ветром солнечный мотылек
вслед последнему свету за рваной рекой садится
джонсон отчалил в лондон дочь учи не учи
месит сено с куини но время вперед прямое
жестко стелет полночь космические лучи
на скиптроносный остров в серебряном море
речью венчал безъязыких и жестом но ныне нет
платных страстей суфлера тем кто тут обитает
под караулом с младенчества верных планет
он лежит в чем прожил с утра шекспир отдыхает
на лучшей из двух кроватей за гранью мер
в доме который воздвиг для него лорд-мэр

стынет взор кому заказан возврат дневной
через стрэтфорд пролягут века куда не дожил
пусть и прежде больше барыш стакан в пивной
тот кто может все уже никому не должен
но платил исправно брал повторный сосуд
точным золотом слова с помоста покрыта трата
он чеканил им речь которую пронесут
от разливов миссури до самых трясин евфрата
перед ликом лизбет и северный варвар джеймс
он им пел как вол чтобы семь суббот в неделе
изваял им любое имя и каждый жест
в этом полураю в своем другом эдеме
чтобы жить по средствам всем на тысячи лет
даже если умолк суфлер и автора нет

но покуда ночь и в городе ни огня
за щеколду бережно нежно должно быть джудит
силуэт украдкой и опрометь вдоль окна
в комнату где не одна но и двух не будет
где без снов поперек постели спит властелин
полумира и больше певец на смертном ложе
составитель планеты которую населил
племенами зла и добра и нами тоже
перед самым уходом сверху ему видны
агинкур и верона богемское море и реки
всех народов в которых доля его вины
ибо с верхним светом ума и даром речи
весь повергнутый в ужас но не подобревший мир
в тишине где не было бога и мертв шекспир

«под детройтом нудно ссорились на заправке...»

под детройтом нудно ссорились на заправке
помирились мгновенно где в клетках и норах
дети разных народов живут в зоопарке
а макаки без устали ваяют новых

вдоль шоссе рдели клены пока не окликнет
ноябрь и не умчит все цвета спектра в небо
уже смеркалось когда приехали в кливленд
в пригороде не беда еще зеленело

там встретила тетка в теле жилища в сером
бунгало в саду из ностальгических вишен
третий муж за кормой теперь с бойфрендом-сербом
но деньги кончились и серб куда-то вышел

оступалась в песню прихлебывая виски
родом из ди-пи хот-доги крошила кошкам
без песни уже ни слова по-украински
а по-сербски только мат и тоже все в прошлом

стали проступать звезды когда разрыдалась
изморось на стволах континентальный климат
или не совсем так но со скидкой на давность
странно все-таки что это именно кливленд

посидели сносно но просыпались в скверном
похмелье в клетке серых струй и бурых пятен
теперь поди умерла и что с этим сербом
которого не было но вполне понятен

эпизодов много но этот совсем лишний
вижу головы над столом но слов не слышу
часто когда в кливленде опадают вишни
и макак в детройте переводят под крышу

«и еще к однокласснице жены в уэст-честер...»

и еще к однокласснице жены в уэст-честер
вспоминали подруг думал совсем засохну
но разговор скоро выдохся и весь вечер
рубилась в monopoly по центу за сотню

кассирша из аптеки с топотом носила
из кухни twinkies и в чашке со снупи кофе
господи до чего же была некрасива
глаза от жалости вбок но мороз по коже

потом вошел кот вразвалку в кошачьи двери
дворняга но хитрован с надменной статью
какой-то была харизматической веры
через полгода звонила звала на свадьбу

посидели без танцев болтали о разном
пели гимны нашарив соседские руки
муж после семинарии с энтузиазмом
вместе на курсы и миссия в камеруне

папаша ввиду отсутствия сперва грустный
потом разжился плеснул тайком чтобы зависть
не грызла а про меня все знали что русский
знакомили с пастором тепло улыбались

пастор пылко поведал как вся твердь и суша
внемлет их молитве на пяти континентах
а мы подарили занавеску для душа
с ангелами на музыкальных инструментах

по дороге домой купила торт готовый
радовалась до слез мужа с руки кормила
пока я думал об этом боге который
так и носит нас по всем камерунам мира

«в пустыне я скитался как бревно...»

в пустыне я скитался как бревно
месил песок без жребия и шанса
разверзнув вещий зев но все равно
на мой язык никто не покушался

я жил бомжом а был в душе боян
вполне владея техникой и темой
мне голос свыше был вставай болван
и что-нибудь давай скорее делай

взошел мираж непроходимых трав
виденье туч под звездами густыми
и понял я что говорящий прав
захлопнул рот и вышел из пустыни

вторая осень прожита в миру
бегом по склонам липы и оливы
здесь в окнах люди режутся в буру
и ласточки к востоку торопливы

остановись мгновение помолчи
визг времени усугубляет смертность
пока болезнь придумают врачи
придется петь чтобы еще не смерклось

восстань и внимли лесу и судьбе
свет взаперти но возгорится снова
пусть не пророк но мир храни в себе
он устоит пока не молкнет слово

«скоро фуру подгонят и примутся класть...»

скоро фуру подгонят и примутся класть
или ушлым студентам на мелкие части
не скажу чтобы жил как имеющий власть
но как пить над собой не желающий власти

лучше в звездные отруби в тлен и труху
чем вертеп где фильтрует базар с пацанами
кто молитвы в мешок сослагает вверху
и кладет к рождеству племена под цунами

будет вечер и свет в подметенных домах
будет память чиста без мощей и часовен
если злу уступал озираясь впотьмах
то спасибо на большее не был способен

вот и первой свободы смертельный глоток
чтобы верили гордо и не горевали
все ступившие прежде в фотонный поток
все идущие вслед кто остался в реале

«притерт горизонт и другими людьми...»

притерт горизонт и другими людьми
на улице будень придуман подробный
объем головы арендует внутри
не я а неведомый разум подводный
невидимый нам обитатель на дне
которому там Расскажи обо мне

о чем я несчастный в душе кубометр
простого пространства занял семиструнно
мне месяц башку желобами проел
по шкуре сапфирной и выдоху трудно
из долгого горла легла колея
глаза васильков на лице ковыля

кому межпланетный трагический гость
по ноздри в потемках где свечи сочатся
пространства котомка и времени горсть
под толщей воды возмужать и скончаться
светило с высот ослепительный блин
зачем это снилось и кто это был

кто потно старался и спит наконец
с петрушкой в зубах по традиции жанра
ты вечности всей подневольный гонец
на волю и жабрами жабрами жарко
моллюск преуспеть в животе госпожи
которому жизнь обо мне Расскажи

«дорога в наледях на брно две зимних смерти...»

Памяти А. Сопровского

дорога в наледях на брно две зимних смерти
в столице слякоть но с утра вполне красиво
покуда не через порог покуда вместе
отлично время провели за все спасибо

за то что встретились и врозь хранили верность
вдохнем тогдашнего огня и вновь наполним
сойтись бы как-нибудь опять пока не вечность
на самой светлой из планет какую помним

все было с вами рождеством и новым годом
теперь на расстанях гудки и давка в кассах
и не сдвигая по одной перед уходом
за тех кто мертвые сейчас на этих трассах

ИЗ КНИГИ «ИМЕНА ЛЮБВИ»

«два зеркала она дала ему...»

два зеркала она дала ему
одно взаправду и еще ночное
где отражение спрятано в дыру
невидимое зеркало ручное

две лопасти а вместе вся стена
с той стороны заключена причина
она сама пока была всегда
как в зеркале простом неразличима

смотри стекло просверлено насквозь
нить времени проложена подкожно
там предстоит все что давно сбылось
а то что было раньше невозможно

она ему два зеркала дала
в одном лицо для памяти хранится
жизнь без нее короткая длина
где днем ночное зеркало граница

не вспоминая зачем она вообще
саднит стекло но если глянуть слева
взорвется ночь и в треснувшем зрачке
сощелкнутся две половинки света

«ПОТОМ ОН ВЗЯЛ И ИЗОБРЕЛ БОБРА...»

потом он взял и изобрел бобра
реальный бобр в натуре будто вылит
хотя сошла со стапелей с утра
ондатра но она ольхи не пилит

отсюда ясно для чего ольха
она молчит и никому не жалко
но бобр как брат он тоже не доха
да и ондатра никому не шапка

потом вздохнул и сочинил блоху
поскольку глины замесил немного
с бобром все ясно но блоху-то ху
а вот поди живет и хвалит бога

или допустим под землей темно
все норы порознь и ужасно душно
там многие вообще едят дерьмо
и лысые совсем но жить-то нужно

когда бы вправду добрый доктор бог
пожать его целительную руку
творец бобров и повелитель блох
но бога нет и мы враги друг другу

вот хоть микроб он с детства глух и нем
но он ко мне относится как к блюду
а я добрей я никого не ем
из малых сих и никогда не буду

«ПОМНИШЬ ОНИ НАС УЧИЛИ НА ЧЕЛОВЕКА...»

помнишь они нас учили на человека
всё по мозгам резьба но судьба несла
вот ты и стала точно не чем хотела
северных встреч невеста и невесна
страшный на мачте сучил холода и годы
в трюме с трезубцем морочил выюшку котла
так постепенно ты умерла и кто ты
после всего то есть где ты или когда

знать не зазорно но вскользь как ножом сказали
диву далась бы в памяти у меня
там на подушке проснется лицо с глазами
не говори так тихо ведь ты умерла
тяжесть твоя в ладони жизнь все та же
только дыханье ветер сносит в пески
все не весна никому не невеста даже
разве разлука могила постой не спи

если один напоследок вопрос из списка
невмоготу во рту и мозг на замке
настежь объятья только не стой так близко
ты неживая а я лебеда на земле
как научили любить верней не умели
ангелы в этом огне как одна семья
страшно догнать потопчусь провожу у двери
мертвую в мертвый простор береги себя

«на секунду в мозгу светло...»

на секунду в мозгу светло
пропасть в прошлое как в стекло
если вслед самому себе
оказаться внизу в стекле

далеки они в белом блеске
бороздящие бред челны
помнишь прошлое будто вместе
пеленали его в чехлы

раньше звук издавали вещи
их зрачки пламенели резче
степь стекала в изгиб стальной
где холмы по краям тюлени
в заповедных глазах темнели
расставанья твои со мной

с крутизны ледяного верха
слишком лишних шеренга лет
оттого так надвое время
а другой половины нет

в горький срок на краю парома
в шлеме с гребнем горит аврора
протянув острие копья
можно снова и никогда

«потечет чуть попятисься свойство зимы и поземки...»

потечет чуть попятисься свойство зимы и поземки
вроде миру по святцам черед а не вечно война
ночью жадный шиповник гурьбой из оврага в поселки
обитать в синева раз уж не было нас ни хрена

не резон просыпаться чтоб явью кошмары шныряли
криво в центре управа там страха центнер на цепи
вот бы жили поди изловчись внутривенно с шипами
и не жили так больно какие там в жопу цветы

ловко всех извело кроме многих мышей для проформы
это кто золотой из зенита набычило глаз
одобрять пустыри городов там шиповник проворный
быть намерен и вширь распустился расти вместо нас

звезды бережным брайлем но способа нет для курсива
руки к горлу плашмя чтобы гнев так не бил из глубин
поселиться где названо может быть тоже россия
но другая совсем я свою никогда не любил

соберемся кричать из больших ареалов широтных
лучше прежде родиться чем в ящике марш на покой
как бы всем оказалась планета счастливых животных
лишь бы существовать если можно пожить на такой

век нам необитаемо в каждой похожей россия
очутиться нигде от зловещих попыток луны
но не в этой где тернии пышно а небо вполсилы
там нас не было не было нас это были не мы

«на стене с утра картинка криво...»

на стене с утра картинка криво
в комнате от табака угарно
ночь в крыму или вдали от крыма
с надписью швейцария локарно

мало что подсказывает память
странника бывалому ботинку
мне немудрено ее поправить
но не память а саму картинку

там вода светла под зорким небом
пестрый город на горе как улей
но поскольку я в локарно не был
я в локарно почитай что умер

кто мне тело выточил токарно
наделил ногами выйти в люди
раз живу но нет меня в локарно
как же быть что там меня не будет

мне и здесь по совести не тесно
но пока умру стяжая славу
оторопь берет смотреть на место
где меня не существует сразу

привыкай к последнему убытку
созерцать на памятник не тратясь
смерть как набок сползшую открытку
жизнь *sub speciae aeternitatis*

«как же их столько в своих городах коротких...»

как же их столько в своих городах коротких
вот и везде настигает один из дней
тускло сквозь сетку набор буратин в коробках
лунные лица в тени тем глаза видней
в топку сценарий сна о крылатых предках
солнце дерзит извне но по венам ночь
сотаи над мостовой нелюбимы в клетках
стыдно до стоиа что некому всем помочь
рты нараспашку да воздух преграда вздоху
искры на карте каракас и кострома
ноль кислорода где дверь коридора в зону
исчезновенья на райские острова
встарь если в спальни смертных сходили боги
путь перекрыт даже богу темно от боли
день наступает со стороны луны
всех не спасти никого не спасти увы

лезвием вены над лункой но не рискую
прямо в зрачки ни тебе ни тому кто вслед
вместе съедем песок и допьем морскую
черную эту насквозь как эребу свет
кто продержал живьем в терпеливой доле
чтобы ни звезд падучих ни вешних гроз
значит не ордер в обещанном вечном доме
где у хозяина горниц на каждый спрос
вот и которую звал с непокорной челкой
кукла склонилась к лунке над этой черной
боги неправда и смертному не друзья
хочешь люби любого спасти нельзя

«КОГДА В ГУСТОМ САДУ КОГДА В ТЕНИСТОМ...»

когда в густом саду когда в тенистом
я вызывал тебя условным свистом
сойти к реке где нам луна светла
когда к утру мы первых птиц кормили
я ни на миг не сомневался в мире
что он таков как есть что он всегда

как мы играли там в эдеме дети
нам верилось существовать на свете
он состоял из лета и весны
какие липы нам цвели ночами
и каждый знал что завтра нет печали
наступит день где мы опять верны

теперь река за плесом половины
уходит в рукава и горловины
слепые липы угнаны в пургу
мир выстоял но уцелел не очень
дороже прежнего но так непрочен
он весь река а мы на берегу

там на холме все светит в сад веранда
я посвищу тебе моя миранда
до первых зорь пройдем в последний раз
где тени прежних птиц над нами грустно
и на глазах прокладывает русло
прекрасный новый мир уже без нас

«когда пора мастерить кофе или яйца...»

когда пора мастерить кофе или яйца
всмятку а в ванной пульсирует дробь из крана
в дверь вопросительно постучат сгибом пальца
чуткой костью хотя звонок дециметр вправо
назад в постель изловчиться что только встанешь
с кем еще натошак когда во рту ни слова
с тыльной стороны сна день распростерт как залежь
небольшой тишины но черт стучатся снова
рассчитайся попарно вот который в душе
тупо тычет в ухо щетку шурится слепо
может туда и спишь а просыпаться лучше
строго обратным курсом по абсциссе влево
вокруг океаны сна тут только каюта
суша мерещилась дань глупому поверью
с какой стати идти и открывать кому-то
там кроме страшных рыб нет никого за дверью
мешает муляж окна дырки в снежной вате
чья ты кукла забытая на зимней даче
допустим и правда стучат войдут и нате
все рассядутся и что с ними делать дальше
трудно что ли склеить остовом рыбы кости
вот их обтянули кожей налили кровью
а те решили что существуют и в гости
не стучите вас никого нет не открою

бортовой журнал

i

подобно пифагорову бедру
в парилке где попутала харизма
стальные слитки выпали в бреду
из бережно живого организма
тот кто летит пока пунктирно цел
но в паузах сквозит как древний гений
лицо его луны светло как мел
сталь вниз влечет но вверх вздымает гелий
скрипи нейлоновое полотно
гроза и небо в голове громадно
ни взгляда вниз там на земле пятно
там кровь аэронавта

ii

сегодня вахтенный инспектор звезд
вершитель абсолютного полета
а чуть вчера не менее чем хвост
бригадой теребили из болота
пусть пряжками определяют ремни
дыру меридианам где съезжаться
едва верньер такому поверни
и горизонт шипя пошел снижаться
чу кычет в ночь снаряд из полотна
где вон какие ястребы ристали
кисть из запястья брызжет холодна
из гелия и стали

iii

весь горний ум космический полип
любитель тайн в слоях фольги и ваты
шумел как миленький когда погиб
но в радиусе кляксы маловаты
вот если мозгу голова вредна
или бокам топлёная лежанка
другие не настанут времена

но прежние здесь уважать не жалко
брать крайнюю и в мертвую петлю
кем в устье ног ей приспособлен листик
здесь отвинтить *gluteus* на лету
лови античный мистик

iv

весь компас вверх а в сторону нигде
пусть небо врозь на четверть радиана
там дева тверди в кварцевой воде
двуного спит откинув одеяла
краса небес всей радости жена
мир дар тебе в нейлоновой авоське
он выстрелен как жернов из жерла
прав хайдеггер в парилке на помосте
уже дрожат форсунки на борту
они умрут но не погаснет разум
гвоздями истекая в темноту
и благородным газом

v

раз в животе у прежних дев поет
всех поколений точная рассада
все вспоминай пиши пока пилот
как с гравия нас вечно вверх бросало
жизнь сведена к последнему звену
здесь на излете сталь а плоть прекрасна
и в горле речь и эта кровь внизу
твоя что человеку не напрасна
он лепетал из плена до сих пор
вбивай урок в пустую память чью-то
свети слепому огненный прибор
плыви ночное чудо

«когда философ кант родился резвым крошкой...»

когда философ кант родился резвым крошкой
он умер в свой черед но вот светясь из тьмы
старинной поводя нейзильберовой ложкой
он ест немецкий суп и снова весь как мы

защитник против тех кто поступает грубо
которому подлог и кража не в чести
он говорит не лги не сотвори прелюбо
кто станет спорить с ним как нам себя вести

нас плохо держит жизнь нам старость не в науку
но если честен кто сомненья проглотив
такому сквозь века протягивает руку
категорический как рубль императив

вот только скоро смерть а жизнь полна вопросов
в ней вор и хулиган открыто верх берет
хотя бы ты и дух ответь ему философ
как надо поступить чтоб шла мораль вперед

слагая свой трактат ты думал о герое
герои мы не все а совесть только тень
он умер и молчит ему несут второе
все ложкой шевелит и светится как день

но верится что вдруг есть компас или карта
взять азимут с утра и по стопам твоим
пройти в хрустальный мир иммануила канта
где мы честны и зря прелюбо не творим

пробраться по черте магнитного прибора
где солнце совести всегда горит слепя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.